

Юлия ЩЕРБИНИНА

НАГРЯНУВШИЙ И ГРЯДУЩИЙ

(Эволюция хамства)

Самгин взял книжку Мережковского «Грядущий хам», прилег на диван, но скоро убедился, что автор, предвосхитив некоторые его мысли, придал им дряблую, уродующую форму. Это было досадно.

Максим Горький. Жизнь Клим Самгина

Кто не знает иронического «хам трамвайный» и грубо-просторечного «хамло»? Хам — это и психотип, и особая языковая личность, и социальное явление, и культурный феномен. При этом большинство людей испытывают затруднение, пытаясь дать точное определение хамству. Наука тоже не имеет однозначного ответа, ощущая хаму с разных сторон, как того слона из притчи, описывая отдельные свойства, которые не складываются в целостную систему. В общественном сознании довольно прочно укоренилось представление о хамстве как преимущественно российском явлении, почти отсутствующем в других лингвокультурах. Сложность и в том, что многие высказывания сугубо ситуативны и малопонятны вне контекста. Не говоря уже о разнице восприятия: один человек оценит ту или иную фразу как однозначно хамский выпад, другой — как неуклюжую глупость, третий — просто как наивную фамильярность, а четвертому она покажется вовсе невинной дружеской шуткой.

Что мы вообще знаем о хамстве? Знаем, что оно восходит к истории библейского Ноя, знаем ставшее уже общим местом в дискуссиях эссе Сергея Довлатова, в котором хамство толкуется как «грубость, наглость, нахальство, вместе взятые, но при этом — умноженные на безнаказанность»¹. Между тем у хамства обнаруживается мощное разветвленное древо исторических аналогий. История хамства — своего рода семантический квест: приключение слов, в разные эпохи называвших схожие человеческие типажи, поведенческие модели и речевые стратегии.

Гибельная страсть

Описание поведения, с разной точностью и в разной степени соотносимого с хамством, просматривается еще в античности. Так, в мировоззрении древних

Юлия Владимировна Щербинина — филолог, доктор педагогических наук, специалист в области книговедения и коммуникативных дисциплин. Автор ряда научных, научно-популярных, учебных книг и многочисленных статей в журнальной периодике. Лауреат премий журнала «Нева» (2014), журнала «Октябрь» (2015).

¹ Довлатов С. Д. Это непереводаемое слово — «хамство» // Довлатов С. Д. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. СПб.: Азбука, 2000 (и др. изд.).

греков бытовало понятие **хюбрис** или **гибрис** (*ubris, hybris*), которое имело целый спектр значений и множество контекстных переводов: дерзость, наглость, своеволие, бесчинство, необузданность, невоздержанность, неукротимость, неистовство... Обобщенно гибрис — это нравственная безмерность, словесно выраженная в грубости, ругани, брани. Истоками гибриса считались гордыня, спесь, высокомерие, отрицание поведенческих ограничений и моральных табу — то есть некое самоприсвоенное человеком «над-право». Само же слово происходит от имени нимфы Гюбрис, олицетворявшей гибельную самоуверенность, нарушение предустановленного порядка, желание человека сравняться с богами и даже превзойти их во власти и могуществе.

В разные исторические периоды понятие гибриса меняло значения, но в целом античное мировоззрение вписывало его в четкую логическую схему: будучи наглым и дерзким вызовом богам, гибрис приводит к *перипетии* (*peripeteia*) — неблагоприятной перемене судьбы, внезапному исчезновению удачи, а затем к *немезису* (*nemesis*) — божественному возмездию, справедливой расплате. Этот мотив прослеживается в мифах о Сизифе, Прометее, Эдипе, Икаре.

Для Гомера гибрис — оскорбление богов, нарушение их воли, посягательство на божественную власть. В «Одиссее» это слово в разных фрагментах и разных переводах означает «буйство», «бесчинство», «неправедность» и описывает действия женов Пенелопы; в «Илиаде» оно характеризует поступок Агамемнона в отношении Ахиллеса: притязание на красавицу Бризеиду.

Гесиод в дидактической поэме «Труды и дни» смещает гибрис из религиозной плоскости в этическую, представляя его как индивидуальное отклонение в человеческом поведении вследствие необузданности нрава, предельного своеволия. По Гесиоду, составляющие гибриса — *крисис* (неправый суд, «кривосудье»), *мюфос* (сутьяжничество и словопрение, пустословие), *анаидея* (бесстыдство) и другие пороки.

Пиндар в «Пифийских песнях» актуализирует еще одно проявление гибриса: нарушение общественных норм, преступление границ дозволенного; дикость, первобытность, скотство. Согласно Пиндару, так ведут себя приносимые в жертву Аполлону ослы, и так явно не подобает вести себя людям. Здесь значение гибриса смещается из этической уже в социальную сферу, но при этом вновь подтверждает смысловое родство с понятием хамства. Как и гибрис, хамство означает поведение, во-первых, богопротивное, во-вторых — аморальное, в-третьих — антиобщественное.

Позднее аристотелевская «Риторика» трактует гибрис уже непосредственно с позиций речи — как «действие с целью оскорбить и причинить бесчестье». Удовольствие от гибриса Аристотель описывает как демонстрацию превосходства, пресыщение и упоение властью. При этом делает следующее важное уточнение: «Видов пренебрежения три: презрение, самодурство и оскорбление... Человек, наносящий оскорбление, также выказывает пренебрежение, потому что оскорблять — значит делать и говорить вещи, от которых становится стыдно тому, к кому они обращены, и притом <...> с целью получить самому от этого удовольствие».

В дальнейшем гибрис использовался как юридический термин, означавший «оскорбление словом или действием». Современная социопсихология рассматривает так называемый *гибрис-синдром* (англ. *Hubris syndrome*) — выраженную в крайней самонадеянности профессиональную деформацию политического лидера и топ-менеджера. Аналогично экологи говорят о гибристичном отношении человека к природе.

Резюмируя, можно выдвинуть такую гипотезу: гибристичность есть сущностное и притом амбивалентное человеческое свойство. При благоприятном развитии гибрис как *притязание на запредельное* становится истоком пассионарности — созидательной активности, ломающей привычный жизненный уклад и общественный по-

рядок. При патологическом развитии гибрис становится основой самодурства, деспотизма, тирании привилегированных классов и хамства непривилегированных. Выходит, что хамство — примитивная и вульгарная форма гибристичности, а гибрис — прототипический механизм и общий «прасценарий» хамства как способа деструктивной коммуникации.

Итак, гибрис указывает одновременно на тип личности, способ поведения и коммуникативную стратегию, во многом близкие общепринятым представлениям о хамстве, притом как в исходном (библейском, теологическом), так и в производном (секулярном, обиходно-бытовом) представлении. В библейском значении основа хамства — в первую очередь нарушение субординации (насмешка сына над отцом), а уже как следствие — непочитание старших в целом и неуважение к законам вообще. Ср. русские синонимы наглости: *бесчинство* — «непочитание чинов»; *дерзость* — непочтительное поведение. В основе обоих значений — посягательство на статусы и иерархии, обрушение «вертикали» коммуникации. Получается, что образ хама — своеобразная *персонификация* отклонений в речеповедении, а само хамство не какая-то отдельная, специфическая форма злоречия, а скорее *регистр извращения* любой, даже «высокой», позитивной практики.

Ропот черни

С тем же поистине гибристическим упорством пробив путь в каменоломне времени длиною в несколько веков, слово «хам» облюбовало себе сколь мрачную, столь же и просторную пещеру в русском языке и обитает в нем по сей день, обрастая сталактитами дополнительных значений.

В России позапрошлого столетия значение хамства смещается с действия (грубость, дерзость) на субъект (обозначение лица). Хамами называли крепостных, дворовых и — более обобщенно — людей, принадлежавших к низшим классам, непривилегированным сословиям и потому, согласно бытовавшим представлениям, не только подневольных, бесправных, но и лишенных человеческого достоинства. Слово «хам» было тождественно словам *раб, холоп, смерд*, шире — *простолюдин*, в собирательном значении — *чернь* (ср. др.-рим. *плебс*). В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля «хам, хамуга, хамовщина — бранное прозвище лакеев, холопов и слуг»; «хамство — подлый народ, люди низкого рода; лакейщина». Хамом могли назвать не только крестьянина, но также лакея, кучера, пологого, галантерейщика, мелкого лавочника.

Позднее возникает еще один лексический компаньон хама — *быдло*. Заимствованное из польского языка в значении «крупный рогатый скот», это слово закрепилось в собирательном бранно-презрительном значении «люди, приравниваемые к скоту», «неотесанное простонародье», народ в худшем своем воплощении, наименее культурная и образованная часть населения.

О социальной значимости дискурса хамства в России, разнообразии его проявлений и варьировании форм свидетельствует уже хотя бы тот факт, что одно из самых блистательных и вечно актуальных произведений русской классики было поименовано не иначе как «комедия о хамстве». Именно так Аполлон Григорьев назвал «Горе от ума». По словам проницательного критика, «Грибоедов казнит невежество и хамство, но казнит их не во имя *сomme il faut* 'ного условного идеала, а во имя высших законов христианского и человечески-народного взгляда. Фигуру своего борца, своего Яфета, Чацкого, он оттенил фигурой хама Репетилова, не говоря уже о хаме Фамусове и хаме Молчалине».

В дворянской среде хамами называли людей недостойного поведения, потерявших честь, уподобившихся своими поступками «подлому люду». В «Воображаемом разговоре с Александром I» Пушкин назвал «придворным хамом» графа Михаила Воронцова. Декабрист Николай Тургенев превратил слово «хам» в политический ярлык для защитников крепостного права, реакционеров. В письмах к брату Сергею он, в частности, писал: «Тьма и хамство везде и всем овладели»; «Мы не затем принимаем либеральные правила, чтобы нравиться хамам».

В XIX столетии понятие хамства сближается также с фамильярностью — бесцеремонностью, неуместной развязностью, недопустимой вольностью в общении. И вновь обратим внимание на этимологию: лат. familia — домочадцы, челядь; famulus — слуга, служитель. Здесь в квест злоречия включается уже сам Язык, соединяющий семантическим пунктиром внешне разнородные, но на поверку глубоко родственные слова.

В позапрошлом веке фамильярное поведение именовалось красивым словом *амикошонство* (фр. ami — друг + cochon — свинья). Не случайно хамское поведение и в обиходе по сей день нередко определяется как *свинское*. Амикошонство — предвестие множества ссор и частый повод для дуэлей. Коммуникативная функция дуэли — пресечение фамильярности, о чем хорошо сказано в «Поединке» Куприна: «Именно не французским офицерам необходимы поединки... а нам, нам, нам! <...> Тогда само собой выведется амикошонство, фамильярное зубоскальство в собрании, при прислуге, это ваше взаимное сквернословие...» При этом обвинение в хамстве считалось страшным оскорблением и само по себе легко могло стать поводом для вызова на дуэль.

В той же среде военных бытовали слова *солдафон* и *бурбон*, означавшие невежественного грубияна. Образованное от королевской фамилии Бурбонов последнее слово изначально относилось к дворянам, которые возвращались на родину после реставрации монархии и незаслуженно получали высокие офицерские звания вопреки плохому знанию военного дела, нежеланию учиться и стремлению поддерживать свой авторитет высокомерием и грубостью с нижестоящими. Из французского в русский слово «бурбон» перешло как синоним чванливого грубияна и заносчивого тупицы. Тот же гибрис-синдром, только у военнослужащих. В крайних, самых одиозных проявлениях солдафон становился синонимом хама.

Эпоха, уделявшая повышенное внимание внешним приличиям, светским манерам, имела в своем лексиконе еще и такое слово, как *мужлан* — грубо-просторечное наименование невоспитанного и необразованного человека, невежи и невежды в одном лице. Мужлан — проекция хама в эстетическую плоскость — не умеет вести себя на людях, не владеет речевым этикетом, а потому способен выдать какую-нибудь словесную грубость, проявить бестактность в общении, вызвать смущение и неловкость окружающих, оконфузиться. Мужлан как антипод обладателя благородных черт и приятных манер в ряде контекстов выступает антонимом *денди* и *джентльмена*.

Другие ранее бытовавшие именованья нахала, задиры, грубияна — *мордоплюй* и *горлохват*. Если мужлан игнорирует преимущественно манеры, то эти типы больше пренебрегают моралью, демонстрируют неуважение к собеседнику и добиваются своего в лучшем случае словесным нажимом, в худшем — криком, бранью, оскорблениями. Типичнейший пример — гоголевский Ноздрев, знаменитый персонаж «Мертвых душ»: заядлый, но скверный игрок, в пылу азарта не брезгует мошенничеством, обманом, а затем еще осыпает собеседника обвинениями и проклятиями.

Особую и притом прочную нишу хамство уже в XIX веке заняло также в творческой среде, наиболее ярко отразившись в литературной критике. Здесь оно обзавелось близким по смыслу понятием *зоил* — от имени древнегреческого философа, ниспровергателя литературных авторитетов, получившего за это иронические про-

звиза Риторический Пес и Бич Гомера. Зоил сделался нарицательным именовани-ем злобного бесцеремонного, но малосведущего критикана. В одной из литературно-критических статей Анатолий Франс проводит прямую аналогию зоильства — да! — с библейским хамством: «Вы уже знаете, что с г-ном Золя обошлись так же, как с библейским патриархом Ноем. В то время как он спал, пять его духовных сыновей совершили по отношению к нему грех Хама. [Далее цитируется литературный манифест оскорбительного содержания.] Но ведь и сам манифест не безупречен. Он содержит в себе замечания относительно физиологических особенностей автора „Земли“, а это уже выходит за пределы дозволенного в критике».

Выдающийся отечественный пример хама в литкритике позапрошлого столетия — Виктор Буренин, печально памятный своей издевательской манерой. Мишенями его однозначно и неприкрыто хамских нападок стали Достоевский, Короленко, Надсон, Горький, Андреев, Бунин, Брюсов, Блок... Чего стоят одни только буренинские аттестации Достоевского как «кликучесного фельетониста», который «невменяем по отношению к здравому смыслу и логике». Гончаров справедливо назвал Буренина «бесцеремонным циником, пренебрегающим приличиями в печати».

Иллюстрированный путеводитель по русскому хамству XIX века — живопись Василия Перова: «Сын дьячка, произведенный в коллежские регистраторы», «Проповедь в селе», «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы», «Дилетант», «Приезд гувернантки в купеческий дом» и, конечно, «Дворник, отдающий квартиру барыне»... Особо примечательно последняя картина: доходный дом, хозяин которого отправил двух обедневших и явно неплатежеспособных барынек к наглому невежественному грубияну, о чем красноречиво свидетельствуют не только похмельная физиономия и вызывающая поза, но и безграмотная вывеска «Кадворнику», которую он, ничтоже сумняшеся, самолично повесил, тем самым дав себе исчерпывающую речевую характеристику. Такие вот «кадворники» за компанию с бездушными чиновниками, продажными судьями, жестоковыйными ростовщиками высекали искру бунта из доведенных до предела отчаяния раскольниковых, многие из которых затем сами превращались в хамов-интеллектуалов — следующую эволюционную ипостась хамства. Этот социокультурный тип выведен Достоевским в «Бесах».

Хамство холуев — рабов от природы, а не от сословной принадлежности — можно было наблюдать и на сугубо бытовом уровне, в общении с равными. Вспомним чеховский рассказ «На святках»: неграмотная женщина просит трактирщика написать письмо ее дочери — и тот в упоении своей «ученостью» строчит полнейшую галиматью. Как верно уточняет рассказчик-повествователь, «это была сама пошлость, грубая, надменная, непобедимая, гордая тем, что она родилась и выросла в трактире». Здесь пошлость фактически синоним хамства, и вновь мы наблюдаем его сущностное свойство — превращать в унижение все что угодно: изначально благое намерение помочь ближнему оборачивается пренебрежением к нему и омерзительным самолюбованием.

«Опрокидывая» в унижение все и вся, хамство просачивается сквозь любое социальное сито, даже такое мелкочейное, как сложно организованная ритуальность дворянской среды, строгий этикетный кодекс. Убедиться в этом легко на примере субкультурных практик, где хамство очень легко и почти незаметно меняет «минус» на «плюс». Ярчайшая иллюстрация — неуставные отношения воспитанников военных училищ и кадетских корпусов Русской императорской армии, известные как «закальство» или «старокадетчина», позднее — «цук»². Цук был основан на культе грубости, показном молодечестве, циничном отношении к традицион-

² К моменту подготовки данной статьи единственное подробное и системное описание «цука» — в кн.: Смирнов Р. В. «Дикий обычай» славной гвардейской школы: цук и другие традиции Николаевского кавалерийского училища. М.: Любимая книга, 2010.

ным добродетелям, унижении старшими младших, пренебрежении науками — то есть фактически на том же солдафонстве. Все было овеяно романтическим ореолом отваги, стойкости и «офицерского братства», ради которого, как негласно считалось, стоило выдержать унижительные испытания, свинское обращение, словесные нападki, а иногда даже неприкрытое издевательство и насилие.

Итак, позапрошлый век сформировал многомерный и неоднозначный образ хама: это не только, а позднее уже и не столько неотесанный простолюдин, но и вельможная особа, «белая кость», вообще представитель любого сословия. Семантическая эволюция слова «хам» аналогична развитию значений слова «мещанин»: из маркеров сословной принадлежности они превратились в названия психоповеденческих типов. Хамство — гибрид самодурства и лизоблюдства, следствие одновременно униженности и спесивости, процветающее как в роскоши, так и в нищете. Это просматривается еще у Пушкина («Пора презреть мне ропот знатной черни»), затем и аристократ Гаев из «Вишневого сада» назовет купца Лопухина хамом, а потом так назовет себя и сам Лопухин.

Извращение любой поведенческой практики — вот, пожалуй, «универсальная формула» хамства.

Князь мира сего

В XIX столетии хамство все же было маргинальной формой коммуникации. Как массовое явление и осознанно насаждаемая форма речеповедения хамство утверждается в предреволюционный период. Прозревая это еще в самом начале века, Дмитрий Мережковский виртуозно расшифровал культурный код хамства в эссе «Грядущий Хам»: «Худшее из всех рабств — мещанство, и худшее из всех мещанств — хамство, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт... — грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам». Здесь дается новая трактовка библейского образа, рациональное обоснование соединяется с метафизическим, синтезируются социальный и теологический подходы к определению понятия. Хам — это одновременно и «мироправитель тьмы века сего», и «пролетарский дикарь».

Работа Мережковского не создала новую локацию квеста «Хамство», но проложила в нем новый семантический маршрут и уточнила характеристику его *главного героя*: не просто злобный невежа, но «дух злобы поднебесной». Однако, несмотря на убедительность обоснований, современники философа восприняли его труд в целом негативно. Отдельные благожелательные отклики — Андрея Белого, Валерия Брюсова — растворились в потоке возражений и упреков. Мережковскому пеняли на гипертрофированный пессимизм, катастрофизм мышления, неадекватность политических оценок. Николай Минский усмотрел в «Грядущем Хаме» унижение достоинства рабочего человека. Федор Сологуб оценил идеи Мережковского как хронологически ошибочные, считая хамство, напротив, уходящим явлением, «грязным пережитком старого строя». Казимир Малевич полагал, будто «Мережковский и Бенуа не могут отличить хамство от движения новых идей», ибо «нельзя же считать того хамом, кто не верит в прочность фундамента вчерашнего дня». Скептически ухмыляясь, Мережковского читает горьковский Клим Самгин.

Мало кто из современников всерьез поверил в пророческую метафизику «экзальтированного интеллигента», как иронически высокомерно окрестило Мережковского его псевдоумствующее окружение. Между тем страна превращалась в Хамовник. Мышление, поведение, речь, отношения между людьми, жизнь публичная и приватная — все обретало демонстративно сниженные формы. Так нигилисты-бунтари

ниспровергали основы презируемого ими старого мира, мстили за все былые унижения. Подобно герою «Записок из подполья», они мерили мир чайными стаканками — умаляя, унижая, а в пределе уничтожая все, не поддающееся их разумению. Не изменяя своей природе, хамство опоганивало все высокие помыслы, искажало все героические замыслы, оборачивая справедливость подлостью. В XX веке Хам стал, по сути, историческим персонажем, вершителем судеб, превратив самую большую в мире страну в Скотопригоньевск похлеще того, что изображен в «Братьях Карамазовых».

Что дальше? А дальше уже ничего нельзя было исправить — оставалось только констатировать и описывать. Общую духовную атмосферу и коммуникативную ситуацию предреволюционного периода отразил Блок в поэме «Возмездие»: «И, встретившись лицом с прохожим, / Ему бы в рожу наплевал, / Когда бы желания того же / В его глазах не прочитал». Формально хамство по-прежнему остается отрицанием нормы, порядка, закона, по-прежнему огрызается из своей мрачной пещеры, но из протеста очень быстро вырождается в пошлость. Благородные бунтари превращаются в уличных вандалов, бытовых склочников, бездушных бюрократов. Хам никогда не бросает вызов обществу — лишь отзеркаливает его пороки.

Ловко маскируясь под социальный протест, хамство превращается в легитимный формат самовыражения тех, кто не способен заявить о себе иначе. Об этом еще в 1914 году пророчески писал в своих «Дневниках» Пришвин: «Самое большое зло нашего времени, нашей культуры, что дураку и нахалу теперь везде ход, и он чувствует себя все равно как и гений, и нет средств никаких усмирить его». Становилось все очевиднее: хамство — это и самоутверждающая стратегия (поведение человека униженного), и защитная (поведение труса), и псевдотворческая (поведение бездаря).

В речевом плане хамство уже тогда ассоциировалось с уродливым «новоязом», насилием над речью, деградацией общения, деформацией языка, превращаемого в «абырвалг». Печальный, но непреложный факт: неуважение к Человеку всегда сопряжено с неуважением к Слову. Изменения в реальной речи, в повседневной коммуникации тут же фиксируются в поведении литературных персонажей. Хамство раздавленных беспросветной нищетой и непосильным трудом — один из лейтмотивов прозы Горького. Хамы-обыватели и хамы-бюрократы пародийно изображены Зощенко, в том числе в миниатюре, которая так и называется — «Хамство». Ярчайшее воплощение хама новой, пролетарской формации — незабвенный Шариков из булгаковского «Собачьего сердца», а уж «Мастер и Маргарита» — и вовсе впечатляющая масштабная панорама хамства бытового, бюрократического, религиозного, политического и даже творческого. Памятуя о том, что свита Воланда маскируется под «шайку гипнотизеров», неизбежность хамства позволяет определить его как форму *социального гипноза*. Одна из ключевых сцен романа — «сеанс черной магии с последующим разоблачением» — избличает неискоренимую готовность людей унижать и унижаться.

«Графический роман» о нарождающемся советском хамстве — беспощадно обличительные (и притом написанные в 1917–1921 годах!) акварели Ивана Владимиrowa с красноречивыми названиями «Вандализм в Зимнем дворце», «Сжигание орлов и царских портретов», «Погром винного магазина», «Развлечения подростков в Императорском саду Петрограда»...

Казалось бы, хамство четко поименовано, громко обличено и крепко припечатано, но не тут-то было! Начало XX века — одновременно и начало размывания лексических значений, смешения и неразличения смыслов. Слово «хам» постепенно превращалось в идеологему, политический ярлык, который когда прицельно, а когда и без разбору навешивался на идейных противников, оппонентов в публич-

ной полемике. Доходило порою до лексических крайностей. Так, Михаил Пришвин в своем дневнике упрекнул того же Горького в пышном праздновании юбилея в то время, когда «по городам все ходят в лохмотьях, а в колхозном доме даже в праздник не увидишь кусочек сахара», и пригвоздил главного пролетарского писателя к стене позора: «Постепенно Горький как бы сбрасывает с себя гуманитарно-босяцкие одеяния, орех раскрывается, является самое ядро русского хама». Позднее, уже в 1946 году, за карикатурное изображение советских граждан и Зошенко удостоился от Жданова определений «мещанин» и «литературный хулиган».

Не бунт, но блажь

Упоминание *хулигана* также не случайно: это еще один социальный прототип хама, еще один участник семантического квеста, гордо вышедший на публичную арену в начале прошлого столетия³. Бытописательная литература, массовая пресса, только появившийся тогда кинематограф с разных ракурсов высвечивают шаблонный образ вихрастого кулакастого задиры, грубияна, дебошира. Помыслы, слова, поступки хулигана суть демонстрация его дикарства, беспардонности и неуважения к окружающим. Основа поведения хулигана не *бунт*, но *блажь* — желание развлечься и самоутвердиться самыми примитивными способами. Хамство — словесное хулиганство. Хулиган — переходный тип от веками угнетаемого «традиционно» раба к рабу индустриальной формации.

Наряду с образованным от фамилии разбойного ирландского семейства словом «хулиган», бытовало ныне уже забытое слово *апаш* (фр. Les Apaches), которое означало человека, принадлежавшего к деклассированным элементам. «Апаш» происходит от названия криминальной субкультуры Парижа рубежа XIX—XX веков, в свою очередь образованного от североамериканского племени индейцев апачей. Близкие и смежные понятия: *люмпен* (нем. Lumpen — лохмотья) — предложенное Карлом Марксом наименование низших слоев пролетариата, позднее люмпенами стали называть все деклассированные элементы (попрошаек, бродяг, уголовников); *босяк* — оборванец, опустившийся обнищавший человек без определенного занятия и места жительства; *шпана* (предположительно от нем. Spannedler — бродяга или род вора; *спаннен* — подстергать) — собирательное название мелких жуликов и малолетних хулиганов.

В массовом сознании представления о хулиганстве с самого начала несколько размыты: его проявления, как встарь проявления разбойничества, зачастую отождествлялись с разгульным весельем, раскрепощающим бунтарством, разинско-пугачевской вольницей. Уже в начале века истерзанная противоречивыми умонастроениями, а затем подвергнутая мощным идеологическим атакам наша языковая память отторгает этимологическую связь *озорства* с *позором*. Русская поэзия начала XX века иллюстрирует заметно романтизированные речевые и поведенческие черты хулигана. Так, Гумилев живописует «озорную речь», «висты и мраки, повист разбойный в полях, ссоры, кровавые драки в страшных, как сны, кабаках». Лирический герой Корнилова «широколобый, низколобый, набитый песней и хулой». Вспомним, конечно же, и колоритные ипостаси лирического героя Есенина: «похабник я и скандалист», «только сам я разбойник и хам».

Хулиганство завораживало молодечеством, залихватством, ухарством — считай, все той же гибристичностью, которая в интеллигентской среде оборачивалась обаятельным «негодяйством», а в творческой — игровым эпатажем. Симпатии

³ Подробно об этом см.: Шапошников В. Н. Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века. М.: Московский Лицей, 2000.

к хулигану усиливались также личной харизмой писателя и его литературным мастерством. Сложно не симпатизировать герою Маяковского в «желтой кофте фата», который отвешивает смачную «пощечину общественному вкусу». Невозможно не сочувствовать героям «На дне», сапожнику Гришке из «Супругов Орловых», столяру Калистрату из «Голубой жизни», рабочему Озорнику из одноименного рассказа... Ситуация не только типичная, но и архетипическая: по отношению к Хулигану публика часто выступает в роли Барышни. Неудивительно и очень показательно, что образом гумилевского мужика искренне восторгалась Цветаева, в одном из своих стихотворений дополняя его не менее колоритным образом «кабацкой царицы» и «прекрасной самозванки».

Однако в целом все же срабатывает внутренний общественный ограничитель, не позволяющий считать нормой хулиганство и как одно из его проявлений — хамство. Эстетический вкус и языковое чутье делают поэтов первыми, кто ощущает его губительную опасность. Маяковский изображает «тупое лицо, открытое лишь мордобою и ругани», и рисует устрашающую фигуру уже восставшего хама: «Взбундилось злоба апаша. Папаша, мне скучно! Мне скучно, папаша!» Упоминание отца вновь отсылает к библейскому значению хамства. В 1918 году мало что изменилось со времен Ветхого Завета. И уже в начале прошлого века отчетливо прослеживается эволюция хамства: от неумышленного поведенческого искажения (поступок библейского Хама) — через социальные деформации (самодискредитация бунтарства) — к извращению умышленному (хулиганству).

Долой стыд!

Предпринимаемые в СССР превентивные и карательные меры по борьбе с преступностью поначалу заметно ужесточили не только юридическую квалификацию, но и общественную оценку хулиганства. В 1921 году было принято Положение о дисциплинарных товарищеских судах. Затем для борьбы с уличным хулиганством создаются народные дружины. В Толковый словарь русского языка в редакции 1935 года хулиганство вошло не просто как нарушение общественных норм, но «крайнее бесчинство, поведение, сопряженное с явным неуважением к обществу, к достоинству человека». При этом публичный образ хулигана ассоциировался преимущественно с социально опасными противоправными действиями — вандализмом, дебошами в присутственных местах, уличными драками, задиранием прохожих — нежели с грубой речью, дерзостью, сквернословием.

Словесное хулиганство, а вместе с ним и хамство, ищет все более локальные пещерки (коммунальные кухни, автобусные салоны, больничные палаты) и выбирает специфические объекты. Так, с начала 1920-х входит в моду цинично-хамское освещение межполовых аспектов, целенаправленно пропагандируемое обществами с кричащими названиями вроде «Лига свободной любви», «Долой стыд!». Радикалы-нудисты обоих полов расхаживают по улицам нагишом, произносят похабные речи, отпускают сальные шутки, а самые идейные и самые смелые — проводят вечера Обнаженного тела, призывая к телесному «раскрепощению» и борьбе с «мещанством» в сексуальной сфере. Всерьез обсуждается вопрос: может ли комсомолец отказать комсомольцу в удовлетворении половой потребности? Здесь хамство вплотную смыкается с бесстыдством, обыгрывая ветхозаветный архетип в декорациях победившего социализма.

Пыл «детей солнца и воздуха», поборников *естественности* через принижение *естества* немного угасает после группового изнасилования сорока рабочими двадцатилетней крестьянки, печально известного как «чубаровское дело». Флюгер общест-

венных настроений разворачивается в противоположную сторону: трибуны зашумели обличительными речами, пиджаки затрещали срываемыми комсомольскими значками, предприятия запестрели плакатами, осуждающими половое хамство. «Долой безобразников по женской линии! Парней-жеребцов зажемем в дисциплине!»

Популярный в то время и незаслуженно позабытый нынче Пантелеймон Романов точно и беспощадностью изобразил извращенный, предельно опошленный, насквозь пронизанный хамством «любовный быт» молодежи. В рассказе «Суд над пионером» актив пионерского отряда разбирает дело о «систематическом развращении» товарищем Чугуновым товарища Голубевой. Разврат заключается в проявлении заботы и нежности, знаках юношеского внимания к невинной девушке. «Если она тебе нужна была для физического сношения, ты мог честно, по-товарищески заявить ей об этом, а не развращать подниманием платочков и мешки вместо нее не носить», — припечатывает товарищеский суд. Сквозная идея рассказа — все то же извращение хамством даже вековых и, казалось бы, незыблемых понятий: любви, дружбы, товарищества.

Однако ни тогда — на волне обличительно-сатирической словесности, ни после — при ужесточении официальных санкций, хамство никуда не исчезает. Принятый в 1966 году Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство», агитационно-просветительские брошюры вроде «Борьба с хулиганством — дело всех и каждого» Николая Жогина, профилактические беседы в учебных заведениях и на предприятиях — все это способствовало разве что формальному контролю поведенческих крайностей, находящихся в ведении криминалистики. Меняется только ракурс публичного внимания к хамству: в начале века на него смотрели как на дракона, с которым нужно сражаться, в конце века — как на притчевого слона, которого надобно познать ощупыванием.

В связи с этим, помимо правового, возникает уже исследовательский, а затем и философский интерес к хамству: его признают не только социальным злом, но и культурным феноменом — а значит, предметом изучения. Юрий Лотман в «Беседах о русской культуре» усматривает в хамстве «истолкование свободы как полной свободы от человеческих ограничений». В этом определении точно отражена мотивация хама новейшей формации: не только и, возможно, уже даже не столько бескультурье, но превратное, извращенное понимание свободы — как своеволия, вседозволенности, отсутствия ограничений. Опять все тот же гибрис.

Сражающиеся демоны

К середине XX века в просторечном употреблении закрепляется еще одно семантически родственное хаму наименование — **жлоб**. По одной версии, произошедшее из польского «чурбан», «олух», по другой — образованное от искаженного английского «работа» (job), это слово означает невоспитанного наглеца, примитивного грубияна. В раннем значении, зафиксированном, например, в «Рассказе не состоящего больше во жлобах» и «Сокровенном человеке» Андрея Платонова, жлоб — недавний переселенец из сельской местности, экспансивно обживающийся в городской среде. Добиваясь своего, завоевывая «место под солнцем», жлоб не брезгует руганью, скандалами, злословием, притеснением окружающих.

Новую актуальность и дополнительную смысловую значимость приобретает и уже упомянутое понятие быдла, стремительно обрастающее производными словоформами (быдлеть, обыдление, быдлчий), а в новейших контекстах употребляемое даже в качестве квазиприставки (быдлостиль, быдломюзика, быдлореклама). В начале ны-

нешнего века говорят о «быдлокрапии» как новой псевдоформе социального влияния, о «быдлоязыке» как предельно обедненной речи и деградации общения⁴. Журналисты, телеведущие, писатели активно оперируют этим емким экспрессивным словом в самых разных контекстах: Виктор Астафьев упоминает «злоствующее быдло», Михаил Козаков — «начальственное», Александр Терехов — «вороватое», Виктор Пелевин — «темное», Захар Прилепин — «дворовое», Сергей Гандлевский — «оголтелое», Владимир Спектр — «фашистское», Сергей Есин — желающее «торговать и воровать»...

Быдливость часто напрямую соотносится с хамством, иногда даже выступая его синонимом. Однако «хам» все же просто неодобрительное (пейоративное) наименование, а «быдло» уже отчетливо сознаваемое оскорбление. И вот ведь что любопытно: назвать кого-либо быдлом в глаза автоматически негласно считается проявлением хамства.

Никуда не делось и хамство из литературной критики — она исправно поставляет новых и новых бурениных. Небезызвестный прозаик, редактор в крупном издательстве и ответственный секретарь значимой литературной премии даже утверждает, будто «фигура хама упорядочивает литературный быт». И вот не менее известный читающей публике критик-зоил ваяет глумливую рецензию на роман — ну да! — этого самого литератора, сравнивая с «дворовым псом в упоенной погоне за собственным хвостом». Ну что, господин писатель, довольны? Упорядочился ваш литературный быт? И уже совсем нешуточный вопрос: может ли подлинно гражданское общество быть лояльным к хамству?..

Наконец, примерно с конца 1980-х активно заявляет себя социально-психологический тип, получивший обиходно-просторечное название *гопник*, в собирательном значении (*гопота, гопша, гопотень*) часто отождествляемый с понятием того же быдла, но все же ему неравнозначный. Гопники — малообразованная городская молодежь, агрессивно настроенная и ведущая полумаргинальный образ жизни. Само же слово не имеет точной этимологии: одни специалисты выводят его из криминального арго XIX века («оборванец», «бродяга»); другие — из зафиксированных еще в словаре Даля слов «гоп» (удар, скачок), «гопнуть» (прыгнуть, ударить); третьи — из более поздней криминальной лексики («гоп-стоп» — уличный грабёж); четвертые — из аббревиатуры ГОП, в разное время означавшей Государственное общество призора и Государственное общежитие пролетариата.

В социальном плане гопник близок к хулигану, в поведенческом — к хаму. Гопникам свойственны нагло-вызывающая манера речи, бравада нецензурной лексикой, фамильярность, нападки. Яркая словесная черта гопника, изобличающая в нем *по-любому-реального-четкого* хама — провокативная конфликтность. Агрессия гопников чаще генерализованная, рассеянная: кого внешне беззащитного выцепит угрюмый взгляд из-под надвинутой на лоб «паленой» адидасовки, тот и жертва, *лох*. Характерная черта гопника — нахальное вымогательство, небрежно маскируемое под просьбу: «Есть мобилка позвонить?»; «Слышь, мелочи не найдется?»; «Дай куртку, пацану холодно»; «Дай проездной почитать!»; «Выручи по-братски»... Здесь все то же паразитирование на морали, извращение благих намерений и подмена понятий: братства, дружбы, справедливости.

В «лихие» 90-е тип гопника парадоксально — при явной разнице в материальном благосостоянии и социальной ориентации — сближается с образом *«нового русского»*. Сходство — в речевых манерах, моделях общения, коммуникативных стратегиях самоутверждения. Для обоих окружающие делятся на *быков* и *лохов*. У обоих

⁴ Подробнее см.: Воркачев С. Г. «Быдло» как феномен российской лингвокультуры // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26).

главная цель — *отжать кэш, поднять бабла*. В арсенале гопника и «нового русско-го» не только физические приемы борьбы за место под солнцем, но и словесные *подставы, предъявы, разводки*. Выразительные примеры общения «новых русских» — в произведении Пелевина, в фильме «Жмурки», сериале «Бригада».

Здесь напористая манера общения и конкретно хамство — значимые составляющие речевого имиджа. Здесь слово неотделимо от действия: *перетереть* означает и «поговорить», и «подрататься». Для пояснения этого тезиса уместно вспомнить одно из интервью Виктора Пелевина, в котором на вопрос о том, что для него есть постперестроечная Россия в языковом плане, писатель ответил: «Логос устал „храниться“, устал преть во рту бессильного интеллигента — и возродился в языке сражающихся демонов»⁵. В данном случае хамство выступает еще и как своеобразный способ социальной адаптации, вставания в жизнь, как возможность цепляться за нее не только зубами, но и *языком*. Разница лишь в целях использования хамства как коммуникативной стратегии. Большинство гопников — социальные паразиты, только на то и способные, чтобы трясти мелочь у прохожих. Ядро «новых русских» — пассионарии, стремительно разбогатевшие благодаря поведенческой мобильности и деловой хватке.

Очень похоже, кстати, вели себя в период промышленной революции второй половины XIX века люди, ловко и быстро сколотившие крупное состояние и именовавшиеся *скоробогачами*. Лексикон, конечно, другой, но образ жизни, поведенческие наклонности и речевые манеры живо напоминали нуворишей 1990-х. Скоробогачи страсть как любили заказывать парадные портреты в подтверждение своих успехов и достижений. Мужчины красовались перед живописцами в одеждах старорусского фасона, важно дымили сигарами, демонстрировали жалованные медали, картинно закладывали пальцы между страниц книг, которых не читали. Их жены, наивно копируя аристократок, принимали жеманные позы, навешивали разом все свои украшения, обмахивались веерами, держали на руках комнатных собачек. Валентин Серов иронически называл такие художества «портретами портретычами». Эту практику переняли и русские нувориши 1990-х, выстаиваясь в очередь к модным портретистам и соревнуясь друг с другом в декоративной «навороченности» и дороговизне полотен.

Таким образом, что в позапрошлом веке, что в нынешнем очевидны неразборчивость и всеядность хамства: оно заставляет служить себе любых демонов, оно с равным удовольствием затаскивает в свою пещеру и проворного нувориша, и прозябающего маргинала.

Явление киберкантропа

В постсоветское время хамство наконец сделалось объектом прицельного и системного изучения⁶. Хотя отдельные попытки предпринимались и ранее: так, еще

⁵ Playboy — 1998: Интервью с Пелевиным // 46 интервью с писателем, который никогда не дает интервью: <http://pelevinlive.ru/02>

⁶ Из наиболее заметных публикаций назовем следующие: Казаринова Н. В. Хамство и оскорбления как коммуникативные практики негативной солидарности российского общества // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Ин-т социологии РАН, 2008; Бачинин В. А. Хам как девиантная личность // Развитие личности. 2010. № 2; Флоря А. О концепте «хамство» // Свободная мысль — XXI. 2010. № 1; Химик В. В. Хам и хамство в русском речевом пространстве // Антропология языка: Сб. ст. Вып. 2. М.: Флинта; Наука, 2012; Волкова Я. А. Феномен хамства в деструктивном общении // Вестник Ленинградского гос. ун-та. 2013. Т. 1, № 4.

в 1970-х филолог и философ Леонид Пинский начал разрабатывать научное направление, которое предложил назвать *хамологией*⁷.

Нынче большинство ученых сходятся в том, что формула «хамство = грубость + наглость» не является ни точной, ни универсальной, ни исчерпывающей. Однако вполне очевидно: грубость может быть добродушной (дружеская фамильярность), а наглость — непреднамеренной (например, при сильном волнении), хамство же — всегда злонамеренно и никогда не добродушно. В повседневном, бытовом хамстве в компанию грубости и наглости добавляется еще нахальство — беззастенчивость, бесцеремонность, бесстыдство. Символично, что того же корня неодобрительное бранное *охальник* — то есть безобразник, человек непристойного поведения, а еще — да-да! — *холоп*. Далее из той же корневой праосновы выводятся *шалун*, *шалить*, *шалеть*. Приключение слов совершает очередной хронологический кульбит, вновь возвращаясь к античному гибрису.

Хамской может быть похвала (по принципу «Наконец-то ты, грязнуля, Мойдодыру угодил!»). Хамским может оказаться комплимент (вроде «Ну, наконец-то, хоть оделся нормально!»). В хамство способны деградировать открытость, правдивость, искренность («Он — хам, но он — искренний. Это его искренность на каком-то уровне становится хамством», — читаем в «Жизни Клима Самгина»). Хамством порой бывает даже демонстрация доброжелательства, расположения, заботы (навязчивой и бесстыжей наподобие «Демьяновой ухи»).

К настоящему моменту хамство проторило столько ходов и даже специально оборудованных тоннелей в коммуникации, что создало аварийную ситуацию, угрожающую обрушением. В современном мире проявления хамства соотносят с ростом *аномии* (греч. *nomos* — закон) — равнодушным или негативным отношением значительной части социума к нормам и правилам. Отношение многих наших современников и к чужой, и к собственной жизни выражается одним емким словом — бестрепетность. Люди бестрепетно взирают на хамство, бестрепетно терпят хамство, бестрепетно хамят друг другу. Специалисты говорят также о *постнигилизме* как форме современного мировоззрения, радикально отрицающей общекультурные ценности, и о *духовной люмпенизации* общества — укоренении примитивных способов поведения и сниженных форм речи.

В цифровую эпоху у хамства появилась еще и очень влиятельная покровительница — анонимность. Имея доступ к Интернету, неназванный и неузнанный наглец преспокойно оскорбляет, унижает, бесчестит кого и как угодно. В виртуальном пространстве хамство на новом историческом витке сближается с рабством: у раба нет имени — аналогично и хам чаще всего действует инкогнито. Можно вести словесные бои без правил. Можно состязаться в словесном жеребьячестве. Можно обкалывать аттракционы словесных нападков. А затем, натренировавшись на виртуальных жертвах, перенести эту речевую стратегию из виртуального общения в реальное. Так хамство автоматически удваивается.

Привыкший злословить на равных со взрослым в социальных сетях ребенок без зазрения совести отпихивает того же взрослого от автобусной двери, магазинной витрины, бортика бассейна. Привыкший спорить в блогах на равных с профессором студент без тени сомнения вступает в агрессивный спор с тем же профессором на лекции в университете. Привыкший бестактно комментировать сетевые публикации журналист с той же бестактностью ведет себя на пресс-конференциях и интервью... Прежде подобные девиации были исключительно следствием невоспитанности, нынче — еще и проекцией онлайн в офлайн. Добавим к этому ролевое удвое-

⁷ Пинский Л. Экзегеза одного мифа (Этюд о хамстве) // Пинский Л. Фрагменты, Минимы и Прологомены и Парафразы и Памятования. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007.

ние: взаимно хамят автомобилист и пешеход, охранник и посетитель, продавец и покупатель — и получим дурную бесконечность зеркальных отражений хамства.

Обеспечив хамство целым набором технологических инструментов и новых опций, современность явила новейшую модификацию хама, которой даже названия пока нет. Назовем его *киберкантрон* — индивид с целой облойкой гаджетов, но нравами и повадками дикаря наподобие свифтовского йеху. Это может быть и завсегда-тай Сети, хамящий на правах «постоянной прописки»; и уставший от жизни обыватель, ищущий в виртуальном хамстве психологическую разрядку; и уважаемый обладатель новейших девайсов, нужных ему в основном для того, чтобы троллить в соцсетях.

Бороться с хамством пытаются и в одиночку, и «всем миром». Можно просто заблокировать доступ нахалов к личному аккаунту и удалять их комментарии с персональных сетевых страниц. Можно примкнуть к какому-нибудь общественному движению, нацеленному на пресечение хамства в отдельных сферах. Так, «Общество синих ведерок» противостоит чиновничьему произволу и автодорожному хамству. Члены общественной организации «СтопХам» наклеивают обличительный стикер «Мне плевать на всех. Паркуюсь, где хочу!» на лобовое стекло автомобилей, владельцы которых хамят пешеходам и другим водителям. В разное время выходили телепередача «Хамство — наш последний аргумент» на НТВ и радиопрограмма «Хамство как образ жизни» на «Эхе Москвы». В 2016 году Министерство труда и социальной защиты разработало этические нормативы для центров занятости, запоздало вспомнив о том, что Россия — единственная в Европе страна, в которой отсутствует кодекс поведения госслужащих.

Однако хамство по-прежнему процветает, приспосабливается к разным историческим обстоятельствам, маскируясь под правдорубство, панибратство, политкорректность. Бояться хамства — значит потворствовать ему. Игнорировать хамство — значит преумножать его. Остается изучать дальше. Хам по-настоящему не способен ни на подвиги, ни на плутни. Не способен даже на сильные и крепкие, качественной выделки высказывания. Он по большей части либо просто косноязычен, либо слишком увлечен самовыражением. Он может быть весьма сметлив, но ему не хватает коммуникативной гибкости. Он, как вол, идет по одной борозде. Как изначально и заповедано: хам и скот — одного происхождения.